

СТРАДАЮЩЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сергей Зотов

ИСТОРИЯ АЛХИМИИ

Путешествие философского камня
из бронзового века в атомный

История и наука рунета. Страдающее Средневековье

Сергей Зотов

**История алхимии. Путешествие
философского камня из
бронзового века в атомный**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 133.5:54
ББК 86.42

Зотов С. О.

История алхимии. Путешествие философского камня из
бронзового века в атомный / С. О. Зотов — «Издательство АСТ»,
2020 — (История и наука рунета. Страдающее Средневековье)

ISBN 978-5-17-117986-1

Обычно алхимия ассоциируется с изображениями колб, печей, лабораторий или корня мандрагоры. Но вселенная златодельческой иконографии гораздо шире: она богата символами и аллегориями, связанными с обычаями и религиями разных культур. Для того, чтобы увидеть в загадочных миниатюрах настоящий мир прошлого, мы совершим увлекательное путешествие по Древнему Китаю, таинственной Индии, отправимся в страну фараонов, к греческим мудрецам, арабским халифам и европейским еретикам, а также не обойдем вниманием современность. Из этой книги вы узнаете, как йога связана с великим деланием, зачем арабы ели мумии, почему алхимией интересовались Шекспир, Ньютон или Гёте и для чего в СССР добывали философский камень. Расшифровывая мистические изображения, символизирующие обретение алхимиками сверхспособностей, мы откроем для себя новое измерение мировой истории. Сергей Зотов – культурный антрополог, младший научный сотрудник библиотеки герцога Августа (Вольфенбюттель, Германия), аспирант Уорикского университета (Великобритания), лауреат премии «Просветитель» за бестселлер «Страдающее Средневековье. Парадоксы христианской иконографии». В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 133.5:54

ББК 86.42

ISBN 978-5-17-117986-1

© Зотов С. О., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Введение	7
Восток	10
I	11
Бессмертная собака: внешняя практика	12
Даосский эмбрион: внутренняя практика	12
Искусства опочивальни: сексуальная практика	20
Азиатский уроборос: обмен практиками?	22
Япония: багровый дворец	25
II	32
Лаборатория в лесу: практическая расаяна	33
Аюрведический человек: лечебная расаяна	38
Уретральный отсос: тантрическая расаяна	38
Алхимия вверх ногами: йогическая расаяна	44
Расаяна сегодня	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Зотов
История алхимии
Путешествие философского камня
из бронзового века в атомный

Проект «Страдающее Средневековье»

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

© Сергей Зотов, текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Бэлле – жене, другу и самому строгому в мире редактору

Введение

Моя книга – полностью об алхимии. Эта наука, ремесло или искусство – в разные времена были разные мнения – о трансмутации, то есть о том, как превратить неблагородный металл в золото. Самая древняя алхимия, китайская, зародилась в IV–III вв. до нашей эры. Независимо от восточной, в I в. н. э. собственная традиция *златоделия* появилась в эллинистическом Египте. В Средние века «королевское искусство», как называли алхимию аристократы, желающие поправить финансовое положение, появилось и в арабских странах, а затем в Западной Европе. Там оно стало одним из самых разносторонних интеллектуальных явлений в истории развития науки.

Словом «алхимия» я буду именовать ряд иногда непохожих друг на друга практик. Китайцы говорили не только об эликсирах, но и о потоках энергии, помогающих достичь бессмертия. Индийцы, помимо того, что получали в лаборатории золото и лекарства, также пытались обрести различные сверхспособности, используя златодельческие метафоры. А арабы при помощи алхимии искали золото не только в философской печи, но и в гробницах фараонов. Однако все это сегодня мы называем алхимией, златоделием, священным или королевским искусством, т. к. эти разнородные техники предполагали, что между человеком и металлами существует некая незримая связь. Люди верили: зная о ней, можно возвысить душу, вылечить тело, получить богатства или силу.

Долгие годы ученые рассматривали алхимию как протохимию, зачаточную стадию химического знания, или даже как псевдонауку. Конечно же, отчасти это верно: алхимия не основывается на постулатах современной химии, и с ее помощью вы не сможете по-настоящему превратить свинец в золото. Однако древние златоделы верили, что действительно могут поменять структуру металла при помощи философского камня – жидкости или порошка красноватого цвета, который также именовали магистерием, эликсиром, тинктурой и сотней других имен. Считалось, что он должен был появиться во время т. н. *opus magnum* – великого делания. В европейской алхимии оно представляло собой последовательность сменяющих друг друга стадий, названных согласно цветам, в которые окрашивалось содержимое *алембика* – колбы, стоящей внутри философской печи – *атанора*. Если рассматривать этот процесс с точки зрения современной химии, то магистерий мог только окрасить неблагородный металл и сделать его похожим на золото, но не самим золотом.

Алхимическая теория возникла в результате долгого интеллектуального поиска. Египетские алхимики впервые описали философский камень и последовательность стадий златодельческого процесса, а арабские, переводившие наследие египтян, ввели теорию алхимических первопринципов, из которых состоят все металлы. Они нарекли их серой и ртутью – но в отличие от легко находимых в природе субстанций, под первопринципами имелись в виду свойства, придаваемые металлам: к примеру, сера отвечала за устойчивость, горючесть и твердость, а ртуть – за летучесть, плавкость и ковкость. Чтобы не путать названия этих свойств мы будем обозначать их латинскими аналогами – *сульфуrom* и *меркурием*. Хотя уже арабы предположили, что помимо двух противоположных друг другу по свойствам первопринципов существует третий, помогающий им соединиться друг с другом, в Европе эта идея распространилась только после того, как швейцарский врач Парацельс предположил существование философской *соли*. Он же распространил по всей Европе идею алхимической медицины – *иатрохимии*, предлагающей лечить тело человека так, как если бы оно было подобно смеси металлов. Постепенно златоделие понимается как некий духовный процесс. Через рассказы о металлических преобразованиях оно повествует о трансформации души. Так происходит помолвка алхимии и мистики, еще более отдаляющая священное искусство от научных исканий.

В конце XX в. ученые сошлись во мнении, что алхимию не стоит называть псевдонаукой или недонаукой: это отдельное социокультурное явление. Ведь алхимия – не только руководство о том, как изменять металлы, но и натурфилософия, учение о природе, ее устройстве, месте человека в мире. Также в нее входят явления, которые в научную парадигму вписать просто нельзя – лечебная алхимия, магия, астрология, связь с религией. Алхимия была и учением о том, как возвеличить свою душу и прийти к Богу.

Поверьте, чем бы вы ни занимались в современном мире – скорее всего, это как-нибудь связано или было связано с алхимией. К примеру, в Индии лечебная алхимия стала важной частью хатха-йоги, тантрических практик и аюрведы. Китайские представления об алхимии повлияли на становление медитативных практик, с помощью которых люди и сегодня пытаются гармонизировать свою энергию ци. Арабов интерес к алхимии сподвиг расшифровывать иероглифы, искать сокровища фараонов и мумий, которые употреблялись в качестве лекарственного средства – благодаря этим практикам возникла цепочка событий, которая привела к созданию египтологии. В Европе, где златоделание стало особенно распространенным, королевское искусство проникло во все сферы жизни, а потому по сей день мы видим алхимические аллюзии едва ли не повсюду: от пьес Шекспира до новой коллекции *Gucci*.

Популяризации алхимии немало поспособствовали сочинения швейцарского психоаналитика Карла Юнга, изучившего множество древних книг по этой теме. Его теория предлагает усматривать в златоделческих трактатах отражение мыслительных практик древнего человека. Соответственно, психическую жизнь человека современного, его сны, страхи или желания, Юнг пытался толковать исходя из архетипов, берущих свое начало в алхимических образах.

В итоге из-за постоянного интереса людей к алхимии с начала нашей эры до XXI в., возник ни на что не похожий мир образов, аллегорий и аллюзий, связанных с этим ремеслом. Визуальный мир, который нам сегодня знаком, во многом обусловлен алхимической теорией и иконографией. Гербы, флаги, символы, цвета, искусство и литература, музыка и кино полны отсылок к древней науке. Психоанализ или квантовая физика, пароварка или фарфор, светящийся циферблат часов или названия многих веществ и растений – все это в той или иной степени было вдохновлено алхимией. Ее преподавали в университетах, запрещали папы римские, спонсировали дворяне, описывали поэты и пародировали художники. Златоделанием занимались святые и еретики, протестанты и католики, нищие и императоры, авантюристы и серьезные ученые. Благодаря литераторам, живописцам, режиссерам и разработчикам игр алхимия постоянно транслировалась в массовую культуру, и о ней знают буквально все.

Но что мы действительно знаем об алхимии? В этой книге я покажу вам – с точки зрения историка – таинственный визуальный мир, связанный с этой наукой. Он не ограничивается скучными изображениями колб, печей, лабораторий или корня мандрагоры. Вселенная алхимической иконографии гораздо шире: она богата символами, связанными с обычаями и религиями разных культур. Для того, чтобы увидеть в загадочных миниатюрах настоящий мир прошлого, мы совершим увлекательное путешествие по древним Китаю и Индии, отправимся в страну фараонов, к арабским халифам и европейским мыслителям, а также не обойдем вниманием и современность. Расшифровывая мистические изображения, символизирующие обретение алхимиками сверхспособностей, мы откроем для себя новое измерение мировой истории и станем ближе к пониманию того, кем был человек прошлого.

Эта книга – не плод кабинетной работы и уж точно не безумные фантазии автора, как это, к сожалению, часто бывает с трудами по истории тайных наук. Чтобы написать «Алхимию», я работал с редкими алхимическими манускриптами, свитками и старопечатными книгами в библиотеках Москвы, Барселоны, Вольфенбюттеля, Бремена, Гамбурга, Берлина, Санкт-Петербурга, Праги, Бамберга, Готы, Касселя, Еревана, Венеции, Копенгагена, Стамбула, Рима, Рудольштадта, Майнингена, Эрфурта, Ваймара, Дармштадта, Франкфурта, Кобурга, Загреба,

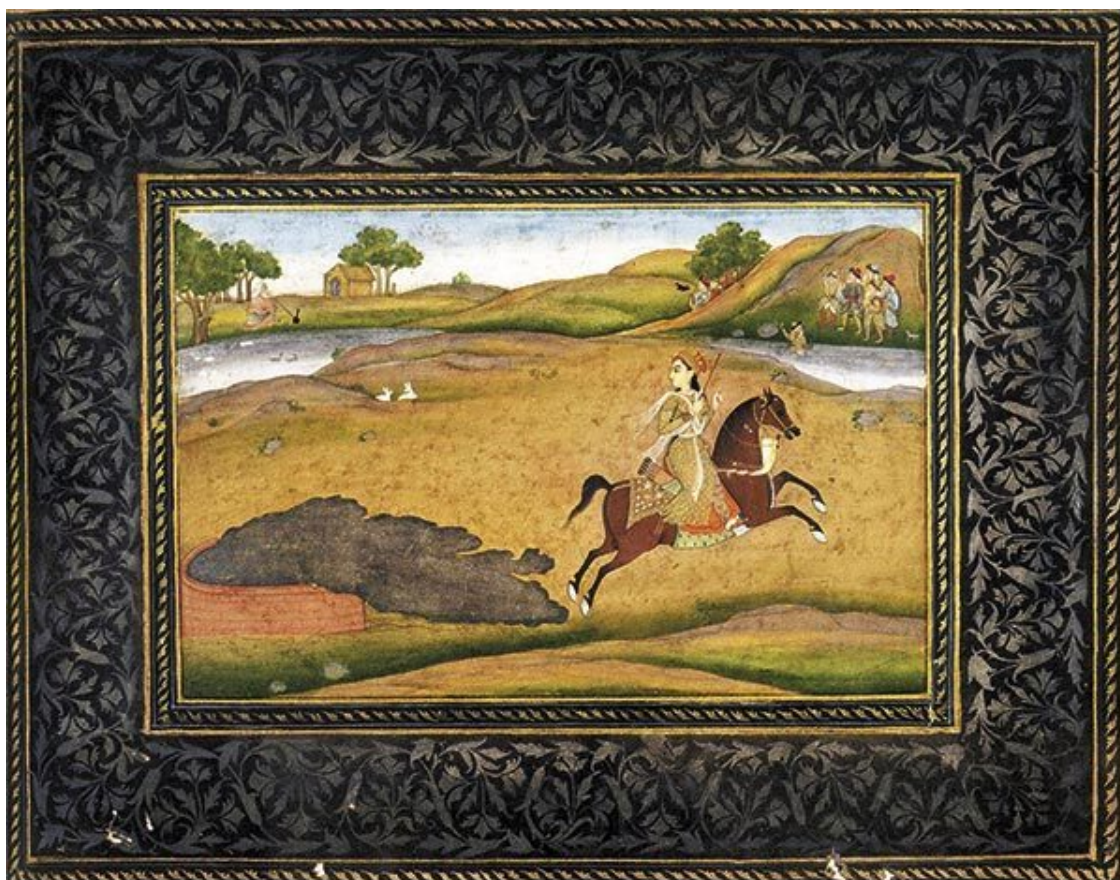

Сараево, Белграда, Стокгольма, Дрездена, Иерусалима, Вены. Съездил во множество стран, где посещал «алхимические» места – а находились они в Китае и Индии, в Италии и Чехии, в Украине и России. Осмотрел в поисках экспонатов, связанных с златоделием, коллекции сотен музеев, расположенных по обе стороны Атлантики. Познакомился со множеством самых передовых историков науки, искусства и технологии, прямо сейчас исследующих всё новые загадки алхимии. Я надеюсь, что результат этих трудов поможет читателю узнать больше об алхимическом искусстве, а время за чтением книги пройдет незаметно.

Для экономии места я не указываю многочисленные труды, на которые я ссылаюсь, в сносках или основном тексте. Однако в библиографии можно найти основную литературу к каждому разделу.

Сергей Зотов

Восток

I

Китай: небесная таблетка

Представьте себе молодую пару, неспешно шагающую среди заснеженных китайских гор по направлению к деревянной постройке. Они закрывают за собой дверь, а затем начинают медитировать. Закончив, мужчина в молитвенном экстазе воздаст хвалу богам, в то время как женщина сжигает благовония в священных сосудах. Они садятся и вместе начинают страшно скрежетать зубами, а после недолгих молитв раздеваются и начинают акт любви. Во время неспешного, почти что церемониального соития пара не забывает о богах и следит за священ-

ным порядком ритуала. Это не странный религиозный обычай, и уж тем более не простое развлечение. То, чем они занимаются – алхимия.

Бессмертная собака: внешняя практика

В древнем Китае алхимия возникла не позднее IV–III вв. до н. э. Тогда философ и алхимик Цзоу Янь придумал основополагающую для всей китайской культуры теорию пяти элементов, находящихся в бесконечном и цикличном противоборстве: земля не дает пробираться через себя воде, вода тушит огонь, огонь расплавляет металл, металлическое орудие рубит ствол дерева, которое, в свою очередь, прорастает в земле. Уже в III в. китайцы считали, что сосуды, сделанные из приготовленного алхимиками искусственного золота, могут продлевать жизнь тому, кто из них пьет и ест. Алхимик Гэ Хун, живший столетием позже, утверждал, что именно так можно стать бессмертным, ибо золото не подвержено порче и сообщает эти свойства организму человека, употребляющему металл в пищу. Другие лекарства от смерти – это киноварь, серебро, нефрит и трава цзюйшэн (вероятно, кунжут): их, согласно Гэ Хуну, нужно было носить на себе или принимать внутрь. К примеру, пить «золотой сок» и «нефритовый сок» – и это не метафоры: недавно в Китае археологи нашли три с половиной литра подобного эликсира. Золото, жемчуг и нефрит также якобы обладали способностью сохранять трупы нетленными. Волшебные свойства приписывались и другим ингредиентам: алхимик мог натереть ступни соком кипариса, чтобы ходить по воде, а кровь из петушиного гребня считалась источником мужской энергии *ян*.

На протяжении всей истории Китая алхимия была связана с *даосизмом* – религией, в рамках которой активно развивались представления о внешней и внутренней трансмутации. Даосизм зародился примерно в IV в. до н. э. Его основателем считается философ Лао Цзы («Старый ребенок»), будто бы живший во времена Конфуция. Хотя главной темой философии Лао Цзы была аскеза ради постижения природы и естественной гармонии (*дао*), основой религии для простого народа стало почитание многочисленных богов и героев, а для даосских монахов – достижение бессмертия при помощи магических и алхимических практик. Со временем из философа-аскета Лао Цзы превратился в предводителя триады главных богов, «Трех чистых», а также стал начальником Восьми Святых Бессмертных – могущественных людей, достигших бессмертия, чаще всего с помощью аскезы, магии или алхимии. Считалось, что они жили на острове, где все было построено из золота, а жемчуга и плоды на деревьях даровали вечную жизнь. Лао Цзы нередко выступал и в роли алхимика: к примеру, известна легенда о том, как он вылечил человека с помощью «небесных таблеток» (1).

В даосских мифах множество алхимиков становятся бессмертными благодаря специальным пилюлям. Причем пожирать плоды тайного искусства могли не только монахи или божеества, но и домашние животные. В легенде об алхимике Вэй Бо-яне рассказывается, как он взял с собой в поход в горы несколько учеников и собаку. Взорвавшись высоко, монах решил испытать свои пилюли бессмертия и дал одну собаке – та от нее моментально издохла. Несмотря на это, храбрый Вэй Бо-ян и один из учеников все равно проглотили лекарства – и тоже незамедлительно упали замертво. Оставшиеся ученики ушли готовить похороны, но когда вернулись не обнаружили ни одного из тел – все трое воскресли и стали бессмертными, и в назидание неверующим ученикам оставили в горах записку о произошедшем чуде.

Даосский эмбрион: внутренняя практика

Алхимия стала одним из основных занятий даосских монахов. Их искусство разделялось на две составляющие – внешнюю и внутреннюю. Внешняя алхимия занималась производством эликсиров из металлов и минералов. Считалось, что они должны постепенно заменить недолго-

вечную природу внутренних органов, составленных из живой материи, на свойственную металлам – крепкую и неразрушимую, сообщая алхимику бессмертие. Однако путь одной только внешней алхимии был отброшен даосами, возможно, не в последнюю очередь из-за громких случаев отравления эликсирами более десятка императоров. Рецепты по изготовлению чудодейственных снадобий стали трактоваться символически, и ко II в. окончательно сложилась система внутренней алхимии или *нейдан* (2а, б). Нейдан предполагал владение особыми техниками накопления энергии и медитации – их даосы, наравне со многими богами и учениями, частично позаимствовали у буддийских монахов (3а, б). На заре внутренней алхимии Вэй Бо-ян, известный помимо прочего описанием рецепта пороха, впервые применил лексику лабораторной алхимии к внутренней. Именно поэтому (например, в одном даосском трактате XII в.) китайские химики стали именовать ртутью семя и кровь, а свинцом – дыхание и силу; алхимический котел стал аллегорией головы, т. к. в ней содержится необходимая для образования «младенца» – бессмертной сущности, находящейся внутри адепта – эссенция *цзин*. Печь же стала символом брюшной полости, где формируется эмбрион (4).

Даосизм перенимал знания не только у буддизма. Синкретизм трех основных религий Китая – буддизма, даосизма и конфуцианства (и по сей день проявляющийся в народной религии, т. н. шэнизме, смешивающем все существующие культы в единую систему) – влиял не только на теологию, но и на алхимические практики. В трактате XVI в. «Указания о значении людской природы и продолжительности жизни», компендиуме знаний о внутренней, «физиологической» алхимии, появляется гравюра, на которой изображены трое медитирующих вместе мудрецов: это Конфуций, Лао Цзы и буддийский бодхисаттва Дхарани. Впрочем, между тремя религиозными системами имелись и существенные разногласия, например, во взглядах на половые отношения. Конфуцианские этические принципы не допускали свобод в сексуальном поведении, а буддийское стремление к абсолютной исключенности из материального мира не позволяло отводить плотской любви хоть сколько-нибудь значимую роль в духовной жизни человека.

Рис. 1. Генерал, у которого руки растут из глазниц

Традиционный китайский временной цикл состоит из шестидесяти лет, а каждый год связан с небесным воином, т. н. «генералом», поступающим на службу к Нефритовому Императору ровно на 365 дней. Каждый из них является воплощением божества времени Тай-Суня, его «характером» в определенный год.

Цзинь Бе, воплощение Тай-Суня в год деревянной крысы, родился при династии Мин в провинции Шан Си. Он служил советником императора, и среди его достижений – введение контроля над моралью в армии и разработка системы прогрессивного налогообложения. Несмотря на всю свою мудрость, однажды Цзинь Бе попал в немилость к императору: он недостаточно вежливо попросил того выделить деньги на постройку моста, и император в гневе вырвал оба глаза советника. К счастью, одна из ипостасей Лао Цзы пришла на помощь к праведному Цзинь Бе. Мудрец ухаживал за его глазами в горной пещере и вставил в каждую глазницу советника по небесной таблетке, после чего пробормотал тайное заклинание и освятил его лицо священным дыханием. Из глазниц Цзинь Бе мгновенно выросла пара рук с глазами, которые могли видеть не только мир смертных, но и все происходящее в аду и на небесах. Так он стал учеником Лао Цзы, а позже и генералом года деревянной крысы.

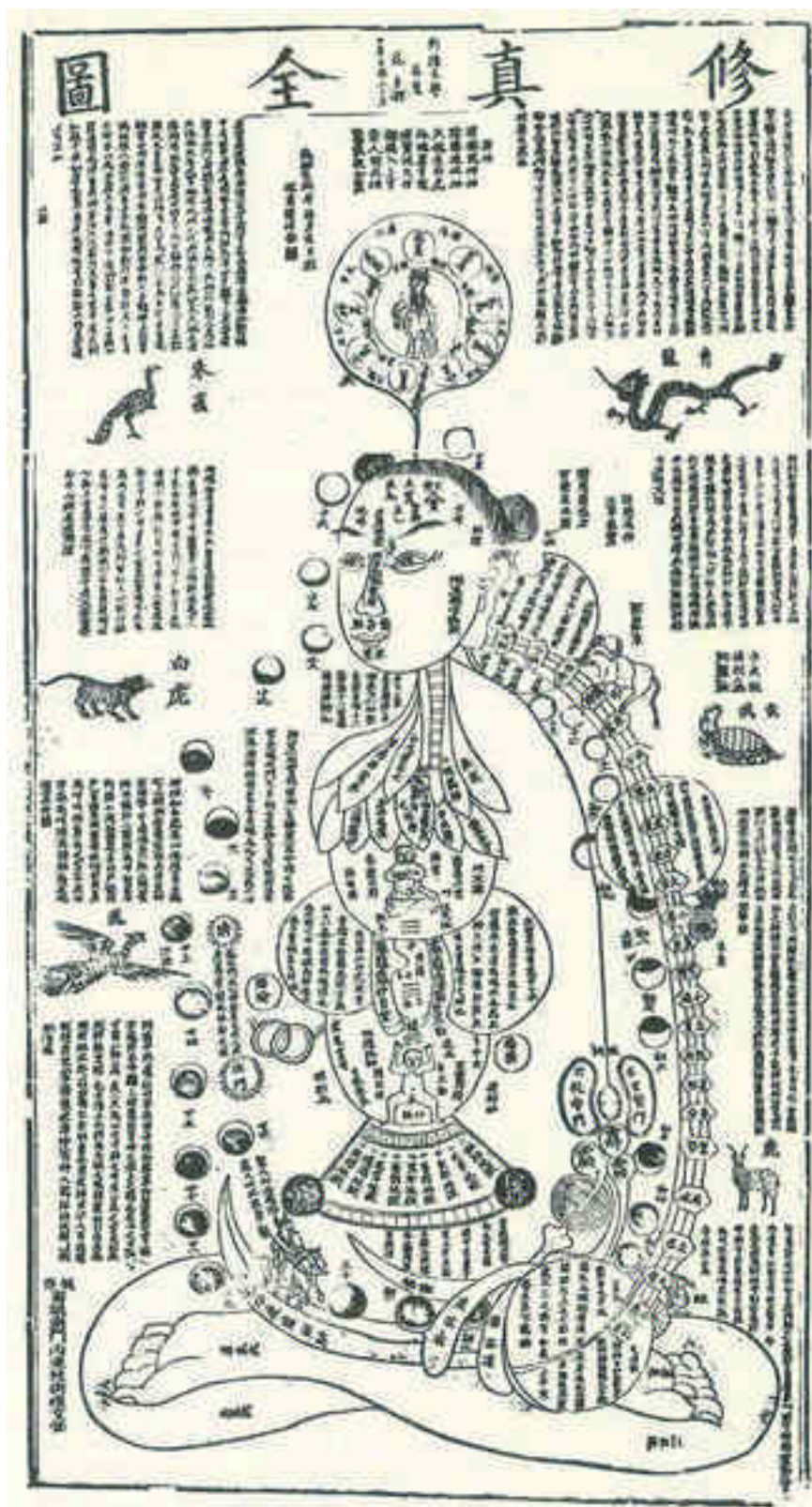

Рис. 2а. На главной реликвии даосских алхимиков, стеле с изображением «Карты внутренних троп», начертано аллегорическое изображение человеческого тела как микрокосма. Тело медитирующего монаха, похожее на эмбрион, изображается как ландшафт, состоящий из гор, рек и тропинок. В голове находятся основатели даосизма и чань-буддизма: Лао Цзы и монах Бодхидхарма. Двое мудрецов символизируют свинец и ртуть, инь и ян, а также ум адепта. Луна и Солнце образуют два глаза. Сплетенные воедино четыре знака инь и ян — это пять стихий: дерево, огонь, металл и вода, объединенные землей. Позвоночник изобража-

ется в виде реки, окруженной скалами. Пастух, ткачиха, лес, пахарь и водяная мельница представляют собой аллегории внутренних органов (сердца, почек, печени, мочеполовой системы), одновременно они являются символами энергетических центров. К примеру, бык, паиющий землю, обозначает «киноварное поле» или даньтянь, источник жизненной силы, в котором алхимик должен зачать бессмертного зародыша. После девяти месяцев медитаций, обозначенных девятью горными вершинами, «младенец» покидает тело через макушку: так алхимик рождает сам себя и получает бессмертие.

На других аллегориях тело предстает в виде горы, по которой энергия ци в виде ручьев циркулирует вверх и вниз. Органы изображались в виде дворцов, пагод и ворот, а вершина соотносилась с горой Куньлунь, местоположением даосского рая.

Рис. 2б. «Полная схема восстановления первичных жизненных сил» изображает мужчину, сидящего в позе лотоса. Это еще более подробная схема микрокосма человеческого тела: видны кольца трахеи, почки, легкие и сердце, обозначен ряд акупунктурных точек. Киноварное поле обрамляют двое мальчиков, возможно, аллегории дыхания и эссенции. Три колесницы, путешествующие по позвоночнику – символы движения цзин по позвоночному столбу. Круг над головой человека – верхнее киноварное поле, в его центре стоит изначальное воплощение человека до возникновения мира.

Кроме этого, микрокосм тела соотносится с мировым макрокосмом: позвоночник разделен на 24 раздела в соответствии с 24 китайскими двухнедельными периодами года; вокруг фигуры изображено тридцать лун – фаза каждой из них соответствует изменениям баланса энергий инь и ян в организме.

Шестеро животных, что окружают тело, – даосские символы внутренних органов.

О некоторой степени «буддизации» образа говорит веер, на котором начертан список из девяти буддийских адов, и цветок лотоса, символ буддизма, на схеме обозначающий сердце, легкие, печень и желчный пузырь.

Рис. 3а. Буддизм, особенно чаньская школа (известная как дзен в Японии), сильно повлиял не только на религиозные принципы даосизма, но и на даосскую алхимию. Эликсиры перекочевали из колб в органы человека: само тело стало лабораторией. Практики медитации, позаимствованные на родине буддизма – Индии – стали использоваться и даосами, а буддийские монашеские практики перекочевали в китайские боевые искусства. Даже знаменитый даосский символ – слияние принципов инь и ян, темного и светлого, женского и мужского, был позаимствован с буддийских мандал.

Влияние, впрочем, было обоюдным: буддийские монахи переходили в даосские монастыри и писали там трактаты об алхимии; в китайских храмах одни архаты держат в руках символ инь-ян, другие носят бороды, подобно даосским монахам, третьи тянутся правой рукой, превосходящей по длине левую в три раза, в море – за энергией инь, и на небо – в поисках ян. Архат по имени Та Сян раскрывает свое сердце, являя Будду: абсолютно так же даосы изображали выращивание эмбриона внутри тела медитирующего монаха.

Рис. 3б. Гравюра, иллюстрирующая даосскую технику «наполнения портала». В тексте указано: «Младенец принимает форму и появляется на свет. К моменту, когда эликсир уже приготовлен, хорошая мать заботится о своем чаде; на следующий день ци начнет циркулировать, а Совершенный повернется лицом к Божеству». Алхимик И Чжэньжэнь указывает, что если ее «готовка» подходит к концу, а сам «эмбрион» уже стал круглым, по прошествии десяти месяцев он отделится от плаценты и родится на свет «младенцем». Так «младенец» начинает жить в «пещере ци», т. е. наполняется энергией.

Рис. 4. Даос практикует внутреннюю алхимию. Он пропускает эссенцию цзин, содержащуюся в сперме, по позвоночному столбу, чтобы она достигла мозга, а затем повлияла на формирование бессмертного зародыша в «киноварном поле», которое изображено внизу живота как тигель для алхимических реакций. Алхимик также производит «омовение сердца», т. е. медитирует, чтобы очистить мысли и избежать волнений. Сердце, как и даньтянь, представлено в виде алхимического сосуда.

Искусства опочивальни: сексуальная практика

Китайские алхимики гармонизировали энергию ци не только принимая эликсиры, соблюдая диету, выполняя обряды, медитируя, делая гимнастические и дыхательные упражнения, массируя себя и особым образом глотая слюну. Одной из важнейших техник внутренней алхимии считался секс. Продление жизни достигалось при помощи совокуплений, которые должны были предваряться медитацией, семикратным скрежетанием зубов (техника, позволяющая накапливать «нефритовую» слюну), чтением молитв богам и воскуриванием священных благовоний. Само даосское соитие описывалось как долгое, нежное и неторопливое. Алхимики верили, что эссенция цзин, содержащаяся в мужском семени, и женская эссенция, находящаяся

яся в менструальной крови, питают друг друга (почти такая же теория была у Аристотеля: сперма и *менструм*, соединясь вместе, порождают ребенка). Тело женщины они уподобляли алхимическому тиглю, а тело мужчины – печи (5). Мужчина и женщина соединялись как *инь* и *ян* для взаимной пользы: обилие партнеров потому поощрялось, а celibат и безбрачие порицались как неестественные практики, укорачивающие жизнь. Однако растрата семени была недопустима, и даосские монахи использовали особую технику оргазма без эякуляции: они считали, что могут перенаправлять семя по позвоночному столбу, дабы эссенция *цзин* питала мозг и помогала выращиванию «младенца». В действительности во время оргазма даос просто нажимал на место между анусом и мошонкой, уретра закрывалась, и эякулят попадал в мочевой пузырь. Даосские трактаты давали подробные описания сексуальных техник не только для мужчин, но и для женщин: с помощью алхимии девушка могла трансформировать себя в мужчину. Впрочем, мужчинам были уготованы более простые пути к долголетию: техника перенаправления семени могла осуществляться и при помощи самоудовлетворения.

Рис. 5. Дракон и Тигр занимаются любовью

Слева изображено соединение противоположностей: мужчина восседает на драконе, воплощении *ян*, а женщина – на тигре, аллегории *инь*. Они одновременно влюблены и противостоят друг другу, так же, как энергии *ян* и *инь*. Противоположность двух принципов подчеркивают разделяющие их барьеры: огонь Юга и пресмыкающиеся (змея и черепаха) Севера преграждают путь влюбленным и олицетворяют противоборство стихий. В определенных школах даосизма половой акт воспринимался как своего рода борьба между мужской и женской энергией.

Справа – аллегория совместной работы мужчины и женщины над возвращением бессмертного эмбриона. Алхимики обмениваются энергиями: он теперь сидит на тигре, а она – на драконе; *ян* внутри *инь*, а *инь* внутри *ян* (так же, как на знаменитой «эмблеме» даосизма: на черном поле *инь* присутствует белая точка *ян* и наоборот). Оба зверя направляют энергию на возвращение бессмертного эмбриона в области *даньтянь*, которую символизирует алхимический сосуд в центре изображения.

В синкретических трактатах по алхимии XVIII–XIX вв. выращивание «младенца» описывается вне каких-либо сексуальных практик, столь важных для даосов, и происходит это именно под влиянием строгой конфуцианской этики. Авторы описывают даосских «мона-

хинь»: это девственницы, отказавшиеся от мяса и вина, пытающиеся достичь бессмертия и омоложения – но, опять же, не в качестве женщины, а в качестве мужчины. Такая внутренняя алхимия исключает все формы сексуального поведения, хотя в синкретических трактатах ничего не говорится о запрете женской мастурбации, а также предлагается техника «помазания головы маслом радости Будды» без стимуляции гениталий. Женщина могла трансмутировать красное в белое, т. е. свою кровь и ее эссенцию в энергию ци, помогая себе при помощи массажа груди.

Даже если эликсиры недоступны, и адепт может практиковать только циркуляцию ци, можно достигнуть возраста в несколько сотен лет, если тщательно изучить все принципы; но, конечно, для этого необходимо владеть искусствами опочивальни. Тот, кто не постиг сих техник инь и ян, будет истощен из-за постоянной потери семени.

Гэ Хун. Баопу-цзы. Китай, IV в.

Перевод Сергея Зотова.

Азиатский уроборос: обмен практиками?

При рассмотрении общих черт европейской и китайской алхимии может возникнуть впечатление, что на даосские практики бессмертия воздействовали не только местные религиозно-философские школы; были и внешние влияния, а именно – западная, александрийская натурфилософия. Уже на заре сравнительного исследования истории науки Европы и Китая было замечено, что два важнейших алхимических символа Запада и Востока – уроборос и *инь-ян* – похожи друг на друга как две капли воды (6). Однако вряд ли Запад здесь повлиял на Китай. Известно, что в Поднебесной еще до появления алхимии существовали изображения змей, кусающих себя за хвост: они встречаются как в виде декоративных колец из нефрита, так и в виде фресок в даосских храмах. Несмотря на то, что контакты между китайскими и западными алхимиками могли установиться уже вскоре после завоеваний Александра Македонского (IV в. до н. э.) и экспедиций китайского путешественника Чжана Цяня в другие азиатские страны (II в. до н. э.), мы о них ничего достоверно не знаем. Последние археологические данные показывают, что древние греки могли вдохновлять своими скульптурами строителей терракотовой армии еще в III в. до н. э., о многочисленных контактах Китая с Римом и Византией свидетельствуют как находки монет, так и исторические данные об обоюдных посольствах. При всем этом, единственным прямым влиянием европейских представлений об алхимии на китайскую иконографию с натяжкой можно назвать одно позднесредневековое китайское изображение мужчины, держащего в руках уробороса (7).

Рис. 6. *Диаграмма Тайцзи ту, «Великого предела» – изначального космического состояния, в котором инь и ян едины. От такой диаграммы произошел даосский символ инь-ян.*

Существовали прямо противоположные мнения (впрочем, кажется, безосновательные): не западные алхимики вдохновили китайских, а наоборот. Согласно невероятной теории ученого Сеида Махдихассана, о даосской алхимии узнали арабы-язычники, доисламские «люди неведения», путешествовавшие в Китай. Оттуда они принесли эти знания в египетскую Александрию, таким образом, положив начало алхимической традиции всего Запада. В доказательство он приводит найденные на Лемносе глиняные таблетки (их использовали в ритуалах для лечения болезней, например, дизентерии). Ученый нашел на них алхимические термины якобы китайского происхождения; спорное утверждение, т. к. автор считает, что китайские слова записали арабской вязью сверху вниз и слева направо. Впрочем, в реальности алхимические системы египтян и китайцев развивались примерно в одно время и были настолько непохожими по своей сути, что едва ли стоит искать их общий корень. В эллинистическом Египте никогда не имела влияния идея о достижении бессмертия при помощи эликсиров, а в Китае не было ни следа концепта смерти и возрождении первоматерии: если между двумя непохожими мирами и происходил какой-то обмен алхимическими знаниями, он не был таким уж серьезным.

Рис. 7. Эта картина на шелке – уникальный пример подражания западной иконографии. Мы видим мужчину с китайскими чертами лица, держащего в руках змею, кусающую свой хвост. Какие только гипотезы о ее происхождении не высказывались учеными. Этот человек – Иоанн Креститель, сидящий в темнице, а китайский художник Дун Цичан нарисовал его следуя указаниям и по образцам Маттео Риччи, итальянского миссионера-иезуита, которого в Китае после смерти объявили буддийским божеством (Бертольд Лауфер). Или это – св. Фома, апостол Индии, держит в руке символ ядовитого змея, коего он, согласно гностическому преданию, однажды попросил вернуть к жизни укушенного им юношу, а после убил (Джозеф Нидхэм).

В действительности картину нарисовал не знаменитый мастер Дун Цичан, а его анонимный последователь. Образ имел европейский прототип – портрет австрийского эрцгерцога Леопольда Вильгельма, напечатанный по случаю защиты диссертации фламандского математика Теодора д'Имерселя в 1652 г. Там вокруг правителя изображены музы различных наук и другие аллегории. В частности мы видим мужчину, который держит в руках змея, олицетворявшего идею бесконечного движения времени. Уроборос появился в европейской иконографии благодаря алхимикам, а позднее выступал в роли символа времени или атрибута Сатурна-Хроноса. Черты лица и одежда аллегории Времени заметно китаизированы, а потому очевидно, что это изображение – вольная адаптация оригинальной фламандской гравюры, прошедшей через цепочку китайских копиистов.

Уникальность традиции китайской алхимии доказывает и то, что она неизменно вызывала живой интерес сильных мира сего из других стран. Даосский монах Чан Чунь, живший в XI–XII вв., будучи уже семидесятилетним старцем, был вызван в военную ставку Чингисхана в Самарканде после победы над китайскими войсками. Правитель говорил с ним только об алхимии:

«Святой муж! Ты пришел издалека; какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить меня им?» Учитель отвечал: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия». Чингис хан весьма похвалил его чистосердечие и прямоту.

Описание путешествия даосского монаха Чан Чуня на Запад.

Перевод архимандрита Палладия.

Япония: багровый дворец

Китайская религиозная алхимия распространялась среди других народов: известно, что китайцы активно обменивались златоделческими знаниями с народами Персии, Вьетнама, Бирмы и Кореи. У японцев же было сравнительно много золота, поэтому они интересовались в первую очередь внутренней алхимией. Несмотря на то, что в Японии никогда не возникала мощная даосская традиция, между местной религией *синто* и даосизмом было довольно много общего (к примеру, вера в «бессмертных»): так прижилась и завезенная с континента алхимия. Особенно напоминают даосских монахов последователи синкретического учения *сюэндо* (смеси буддизма, даосизма и синто), горные отшельники *ямабуси*, помимо аскетизма практиковавшие магические, боевые и сексуальные техники.

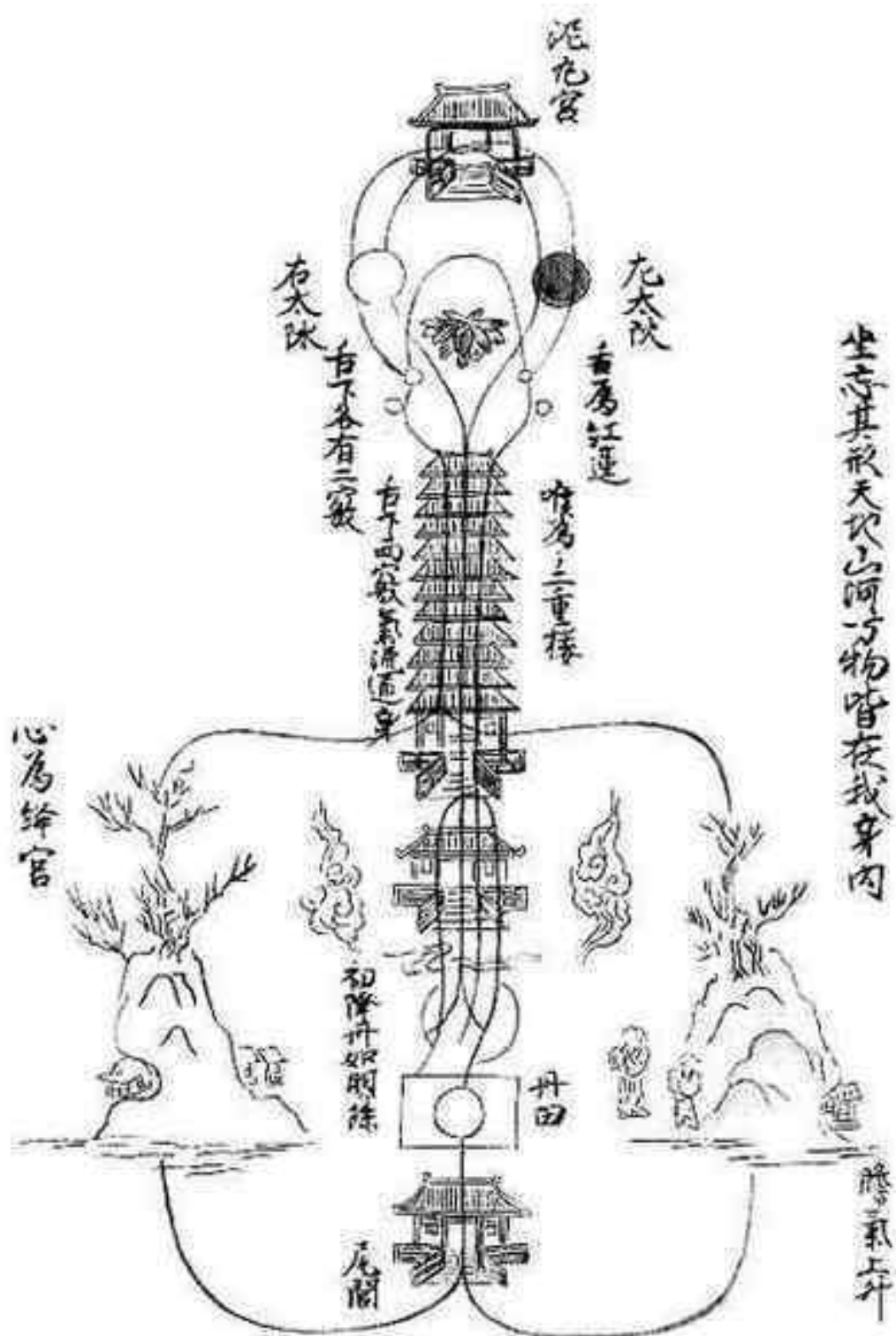
Китайские и корейские ученые начиная с VI в. приносили в Японию свежие знания о медицине и лекарственной алхимии. С VIII по XII вв. аристократия и весь японский двор были чрезвычайно увлечены экспериментами по продлению жизни при помощи эликсиров растительного, минерального и металлического происхождения. Не только китайские императоры увлекались поисками бессмертия: алхимические эликсиры охотно пил шестидесятый император Японии Дайго (IX–X вв.).

Конечно, кроме благородных людей, практиковавших алхимию для долголетия, в Японии, так же, как в Китае, была своя народная алхимия. Например, на японском свитке XIII в. изображена процессия монашек, везущих верующим мочу буддийского монаха Иппена в специальном сосуде. Считалось, что урина знаменитого религиозного деятеля может лечить от слепоты и заболеваний желудочно-кишечного тракта – похожие воззрения встречались и в Индии ([см. здесь](#)).

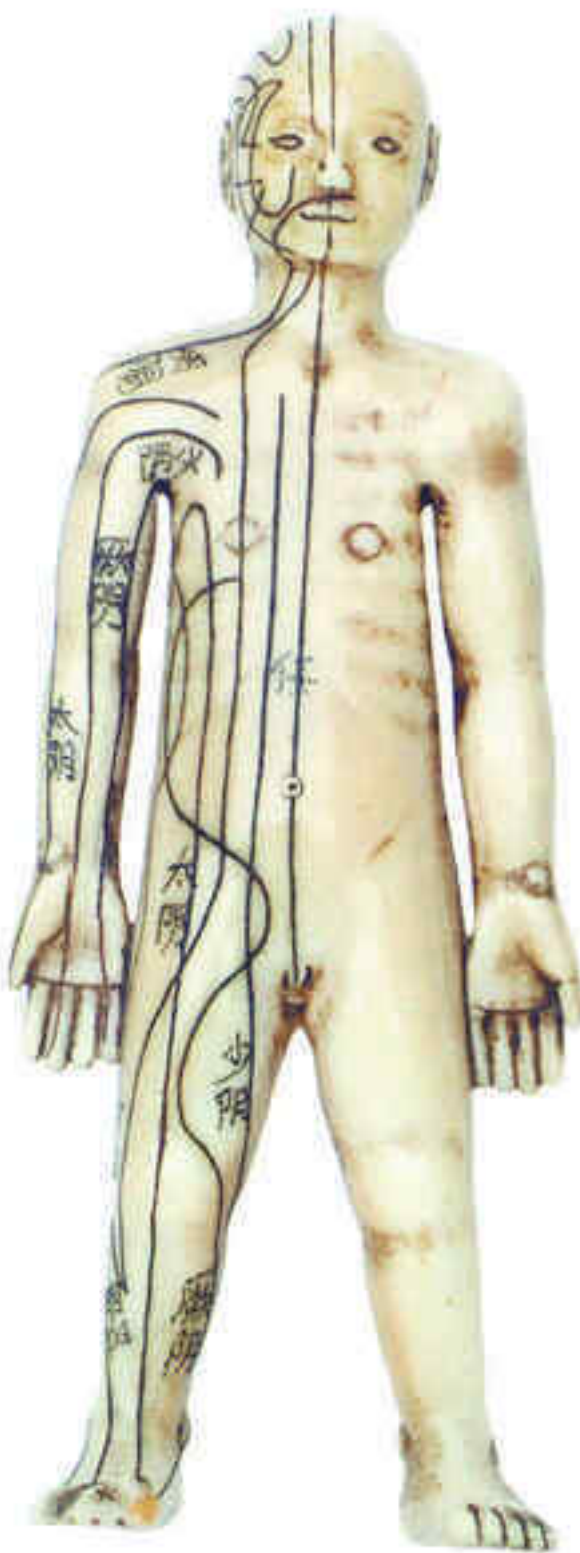
Хоть в Японию алхимия тоже пришла вместе с китайской культурой, и потому не имеет ярко выраженной национальной специфики, исследователи все же находят некоторые уникальные произведения алхимического искусства. Не так давно ученые обнаружили японские «внут-

ренные карты» ([см. здесь](#)), соответствия которым в других источниках нет. Однако по своему устройству они ближе всего к китайскими алхимическим изображениям. На «Схеме пути эликсира в девяти циклах для возделывания реальности» мы видим подробную алхимико-анатомическую систему (8).

Так как Япония была еще более недоступной для чужаков страной, чем Китай, до XIX в. она имела ограниченные контакты с иностранцами. Поэтому, когда те стали проникать в страну восходящего солнца, среди местных начались многочисленные эпидемии холеры и других неизвестных прежде болезней. Народные представления о медицине и алхимии стали противостоять западным нововведениям, зачастую представляющим в глазах японцев опасными и зловредными. Именно поэтому остатки проявлений «традиционных» взглядов на медицину (9), в т. ч. позаимствованных из внутренней алхимии, в Японии можно было встретить вплоть до начала XX в. Примером этому могут послужить распространенные гравюры, иллюстрирующие процессы жизнедеятельности человека на манер даосских «внутренних карт» (10a,b). В новом, анатомическом смысле использовались все те же алхимические метафоры: сердце служило источником «огня» жизни, внутри тела расхаживали человечки, легкие неуловимо напоминали лепестки лотоса, а точки входа и выхода пищи обозначались воротами – таким же образом, как в старинных аллегориях отмечали точки, важные для циркуляции ци.

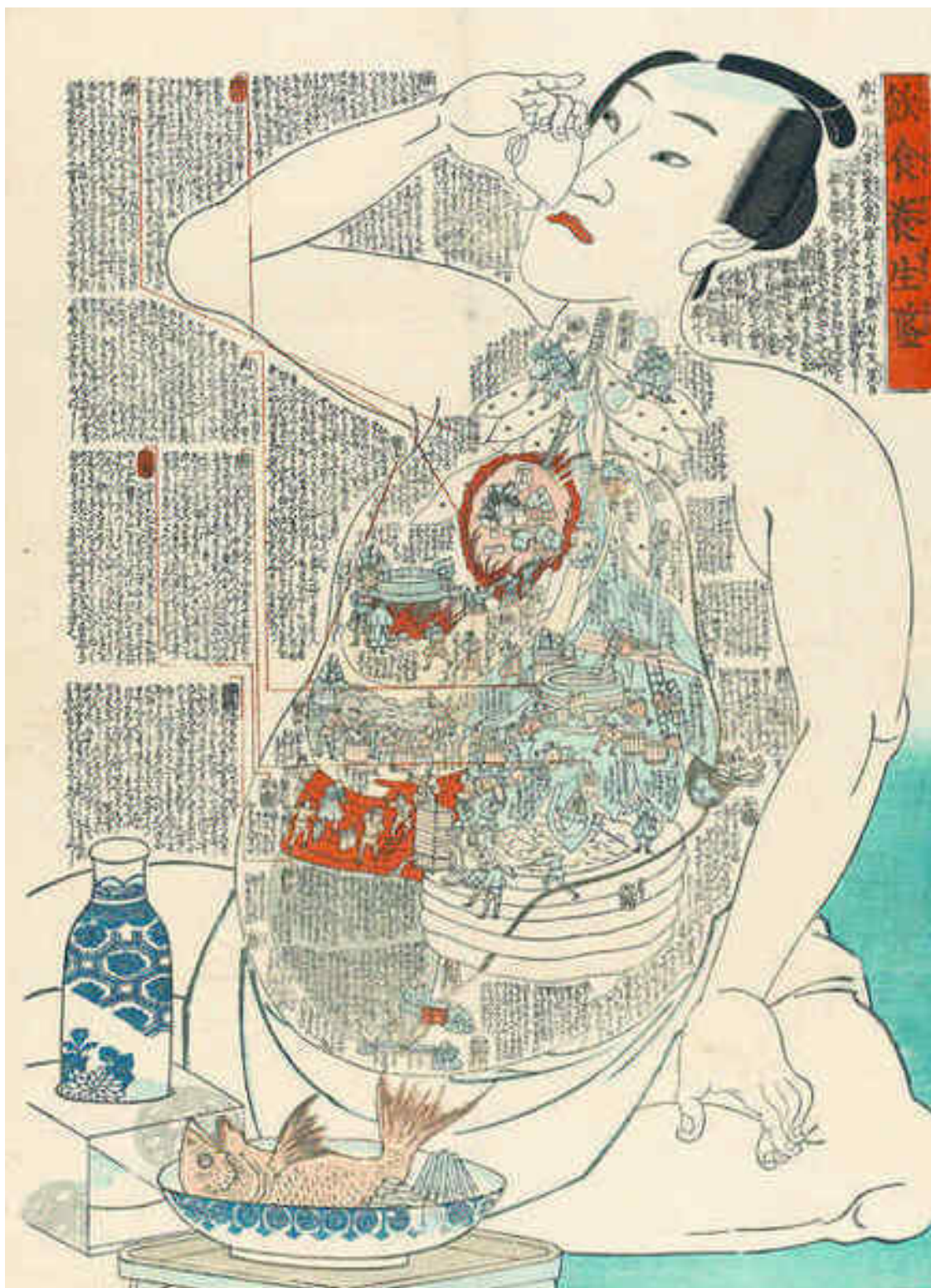

Рис. 8. В самом верху в виде небольшого открытого павильона изображено верхнее кино-варное поле или «дворец мутных гранул». Левый глаз обозначает ян, правый – инь, язык нари-сован как красный лотос, трахея показана в виде двенадцатизэтажной пагоды (этажи соот-ветствуют числу трахейных колец). Среднее киноварное поле предстает в виде «багрового дворца» в центре: на сердечный «огонь» намекают клубы дыма. Горы с лесами показывают пути циркуляции энергии ци. Нижнее киноварное поле, т. е. даньтянь, схематически отмечен кругом внизу. Под ним располагается еще один дворец: он обозначает место на позвоночнике, считавшееся важным для круговращения ци.

Рис. 9. Фигурка из слоновой кости, показывающая каналы движения энергии ци.

Рис. 10а. Хотя на этой гравюре XIX в. отражены современные представления японцев об анатомии (на сегодня, конечно, устаревшие), визуально они едва ли отличаются от древних алхимических схем. Изображая пищеварение самурая, художник представляет его как слаженную работу маленьких самурайчиков внутри него. Пока мужчина пьет саке, одни заставляют его легкие дышать, закачивая кислород в воздушные шары, а другие наблюдают за пищеводом. Работа кипит и в печени, где черную массу, «зерно», принесенное из пищевода, складывают в подобие мельницы и очищают. После этого оно становится белым: непригодные остатки отправляют в селезенку, а другие рабочие заботливо складывают очищенное

зерно в хранилище, представляющее собой кишечник. Человечки из почек, шагая прямо по кишкам, снабжают поваров водой, и из зерна получают пироги. Одновременно с этим, sake из пищевода поступает в колодец, расположенный в центре печени. Оттуда подчиненные несут его ведрами в большой котел, клапан сердца, где после нагревания – ведь sake пьют теплым – его несут главному самураю. Он тем временем корпит над управлением и учетом. И только воины, сидящие у двух ворот внизу, терпеливо несут службу и дожидаются своего часа.

Рис. 10б. Во внутренностях полубнаженной женщины-юдзё (проститутки) с кисэру (курительной трубкой) в руках происходит примерно то же самое, что на изображении муж-

чины, с той разницей, что внутри нее всем заправляют миниатюрные женщины, а художник уделяет особое внимание работе ее половых органов. Кажется, что вся работа наверху происходит ради их здорового функционирования; внизу же самые старые и опытные работницы наблюдают за маткой и яичниками.

II Индия: убегающая ртуть

Умчим наше воображение в средневековую Индию. Прохаживаясь по роскошным садам, ломящимся от драгоценностей дворцам, людным базарам и улочкам вместе со знаменитыми европейскими путешественниками, мы увидим необычных людей: аскетов и мудрецов. Первые стоят на голове, а на все вопросы о своем занятии только и бормочут что-то о бессмертии. Мудрецы же бахвалятся волшебными пилюлями, дарующими исцеление от любой болезни: их они раздобыли в невероятных путешествиях, а теперь, невзначай, предлагают купить лекарства

по баснословной цене. Разговорившись с одним из мудрецов, мы узнаем о его способностях летать или исчезать, о великих силах и о друзьях среди богов. Все эти люди, мнящие себя полубожественными существами и алкающие вечной жизни, – практикующие алхимики.

Европейцы считали Индию страной несметных богатств, странных монстров и мудрых людей. Все эти три характеристики сходятся воедино уже в рассказе греческого историка V в. до н. э. Геродота (1):

Это самое воинственное из индийских племен, и они уже умеют добывать золото. В их земле есть песчаная пустыня, и в песках ее водятся муравьи величиной почти с собаку, но меньше лисицы. Несколько таких муравьев, пойманных на охоте, есть у персидского царя. Муравьи эти роют себе норы под землей и выбрасывают оттуда наружу песок, так же как это делают и муравьи в Элладе, с которыми они очень схожи видом. Вырытый же ими песок – золотиносный, и за ним-то индийцы и отправляются в пустыню.

Перевод Георгия Стратановского.

Лаборатория в лесу: практическая расаяна

Где золото, где мудрость – там и алхимия. И европейцы не ошибались в том, что именно на Востоке философы задолго до них научились делать философский камень. В Индии алхимическая традиция существовала минимум с первых веков нашей эры. Любой из видов алхимии (а их на протяжении веков в Индии существовало множество) назывался *расаяна*, т. е. «путь ртути». Слово «раса» (родственное русскому «резина») изначально обозначало жидкость или сок, затем – «сущность» любой субстанции, а уже позже стало означать ртуть. В расаяне ртуть осмыслялась как «сущность» Шивы или как его сперма. На заре первого тысячелетия расаяна была частью *аюрведы* – индийской традиционной медицины: так называли технику продления жизни и омолаживания при помощи (чаще всего растительных) эликсиров – их тоже называли «расаянами».

Рис. 1. Возможно, что легенда, дошедшая до Геродота, была выдумана местными купцами, чтобы отпугивать конкурентов. По другой версии, геродотовские «муравьи» – это гималайские сурки, вырывающие глубокие норы: местные племена действительно могли находить выброшенный ими наружу золотиносный песок. Также есть теория, что рассказ о муравьях – аллегория растирания в порошок аллювиального золота (т. е. россыпного золота на дне реки). Как бы то ни было, эта история распространилась по всей Европе: в одном из популярнейших тревелогов позднего Средневековья, «Приключениях Сэра Джона Мандевиля» (XIV в.), этот случай упомянут почти в самом конце невероятно долгого, по тем временам почти кругосветного (и целиком выдуманного) путешествия.

Почему же на иллюстрации к рассказу об Индии мы видим груженую золотом лошадь? Согласно Мандевилю, муравьи жили на огромных холмах из идеально очищенного ими же золота, и прятались под землю в жаркие дни. В этот момент люди приводили кобыл с большими, пустыми и спущенными низко к земле корзинами, а сами убежали как можно дальше, боясь агрессивных муравьев. Когда жара спадала, муравьи видели корзины, и, не в силах устоять перед собственной природой, залезали в них, думая, что это норы. Затем они наполняли их золотом, согласно своему инстинкту. Когда люди понимали, что корзины уже наполнены до краев, они выпускали жеребят, и те звали к себе матерей: так лошади возвращались с богатым уловом.

Классическая лабораторная алхимия, т. е. собственно алхимия в европейском смысле слова, возникает не позднее IX–X вв. Именно тогда формируется индийский алхимический свод. В нем расаяна подразделяется на *дхатуваду* – алхимию трансмутации металлов, и *дехаваду*, искусство изготовления эликсиров бессмертия. О распространении расаяны свидетельствуют путешественники, бывавшие в Индии. В XI в. о развитой традиции алхимии упоми-

нает арабский ученый аль-Бируни: он упоминает, что с помощью лекарств можно не только вылечить болезнь или вернуть молодость, но и продлить жизнь. В XIII в. итальянец Марко Поло видит, как индийские аскеты «делают микстуру из серы и ртути и пьют ее по два раза в месяц». Путешественнику рассказывают, что зелье способно продлить жизнь, только если пить его с детства. Спустя долгое время расаяна не исчезла: даже странствовавший по Индии в XVII в. французский врач Франсуа Бернье уверял, что йогины в этой земле делают укрепляющие и омолаживающие пилюли из ртути.

Почти всегда алхимики классического периода – индуисты, чаще всего – тантристы (последних выдает специфический пантеон богов, использование особых мантр и сексуальных техник). Не столь распространены были буддийская и джайнская алхимии, также существовавшие в XI–XII вв. Впрочем, к этому времени буддийская традиция в Индии уже угасала, джайнов также было уже не очень много. К тому же, буддизм был в большей степени, чем индуизм, обращен к духовному измерению человека: в нем трансмутационная алхимия считалась менее серьезным занятием, чем духовная алхимия, предполагающая практику «фиксации мыслей о просветлении» при помощи совмещения мужского умения и женской мудрости, метафорически понятых ртути и серы.

Индийская алхимия всегда была неразрывно связана с индуизмом, и даже олицетворениями двух алхимических первоэлементов служили высшие силы: верховный бог Шива символизировал ртуть, а его жена Парвати – серу. Считалось, что ртуть, очищенная и усиленная при помощи серы или слюды (еще одно вещество Парвати), может превращать неблагородные металлы в золото, а тело адепта делать совершенным. Выпив алхимический эликсир, человек мог приобрести сверхъестественные способности, стать неуязвимым, нестареющим и бессмертным.

Связь расаяны с индуизмом проявлялась не только в мифах о происхождении ингредиентов. Почти все алхимические тексты начинались с восхваления бога алхимии, бога ртути – Шивы – а также описания божественного происхождения ртути, серы и других ингредиентов. Расаяна преподносилась не просто как одна из религиозных практик, но как лучшая из них. Алхимики и философы в Индии верили в то, что при помощи расаяны они могут освободить свой дух из цепочки перерождений. Сделать это можно только в «меркуриевом» теле, т. е. пройдя сложный путь приготовлений. В них входили и процедуры религиозного характера: инициация, чтение мантр, начертание мандал, созерцание ртути, поклонение *лингаму* из ртути, пост, даже отшельничество – предполагалось, что лаборатория находится далеко от человеческих глаз, в лесу.

Сохранилось и описание гипотетической алхимической лаборатории: в центре стоит *расалинга*: ртутный лингам, символ Шивы, вставленный в серебряную *йони*, вульву богини Парвати. На восточной стене висит 64 растения, соответствующих 64 женским божествам из индуистской мифологии – *йогиням*. На юго-востоке расположены инструменты для дистилляции. На юге – реагенты для «убийства» металлов. На юго-западе – ступка и пестик. На западе находятся приборы для плавки металлов. На северо-западе – печь и меха. На севере – красители. На северо-востоке – руды и ртутные амальгамы. Помимо этого, в лаборатории требовалось держать металлы, яды, растения, минералы, урину и экскременты животных. Каждый компонент, таким образом, должен находиться в пространстве в строгом соответствии с принципами *васту-шастры*, индийской науки о планировке построек, напоминающей более известный на Западе китайский фэн-шуй.

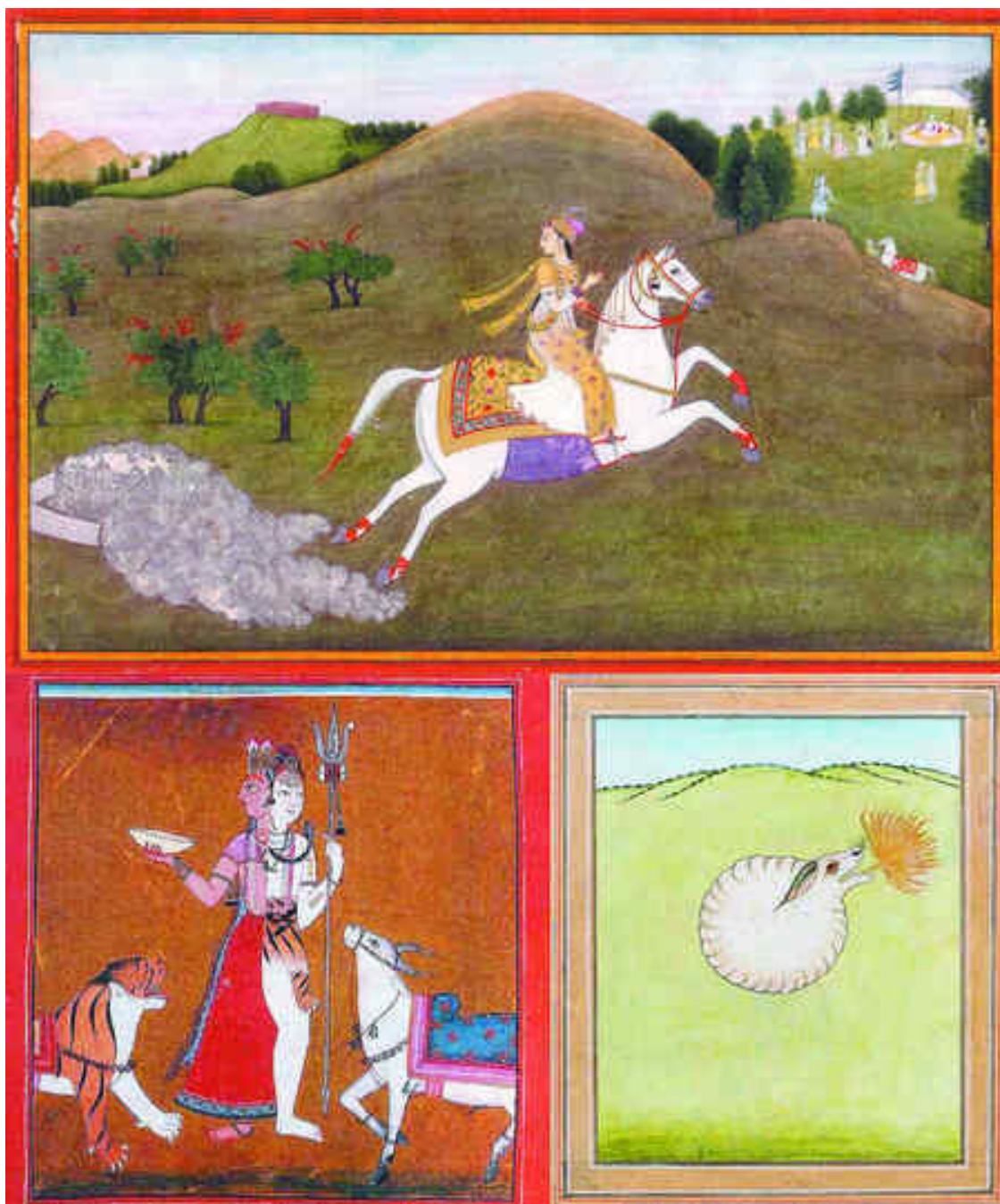
Производство эликсира в лаборатории делилось на 18 операций или *самскар*. Первые 16 самскар очищали ртуть, которая использовалась сначала для превращения металлов в золото, а потом для трансмутации тела алхимика в более совершенное (принцип «как с металлом, так и с телом»). Две последние операции служили телесному превращению адепта: ртуть становилась

единой с плотью и кровью, и тело превращалось в «меркуриальное», т. е. совершенное. Так алхимик становился «вторым Шивой», предельно близким к божеству.

Удивительно, но, возможно, ртути в Индии приписывались такие сверхъестественные свойства, потому что основного компонента алхимического делания в стране почти не было. Она прибывала в Индию из других регионов: Китая, Тибета, Средиземноморья. Иноземное происхождение ртути в Индии заметно и по тому, как ее называли: «китайский порошок» или «млеччха» (в переводе – «варварское»). Даже легенда о добыче ртути была позаимствована индийцами в Сирии. В IV–V вв. в труде, приписываемом Зосиме Панополиту, описывается как алхимики используют обнаженную девушку в качестве приманки для ртути. Когда металл выползает из своего укрытия, люди атакуют его и режут топорами на слитки. В индийской версии «убийство» ртути более метафорично: сирийская легенда трансформируется в историю о зачатии Карттикеи, сына богов-воплощений ртути и серы, которое описывается как настоящая алхимическая свадьба, посредником в которой выступает бог огня (2).

Хотя принципы индийских лабораторных алхимиков близки китайским, арабским или европейским, искать истоки индийской алхимии вне этой страны не имеет смысла: расаяна пронизана духом индуизма, и потому подлинно уникальна. Ее сходства с другими алхимическими традициями обусловлены одинаковым и не зависящим от конкретной культуры химическим поведением используемых в делании реагентов.

Рис. 2. Сверху, на миниатюре XVIII в., изображена всадница, убегаящая от бурного потока вышедшей из рудника ртути. В правом верхнем углу нарисованы охотники за ценным металлом, явно заинтересованные происходящим. Кажется, они используют девушку как приманку для «поимки» металла – но почему?

Согласно индуистской мифологии, вся земная ртуть была семенем божества. Однажды огненный бог Агни в облике голубя помешал любовным утехам Шивы и Парвати, и семя Шивы пролилось в клюв птицы. Агни выплюнул его в воды реки Ганги, а из этих капель родился сын Шивы, воинственный Картикеея. Из оставшегося семени возникли все ртутные рудники мира: пять колодцев, каждый глубиной в 15 км. Боги умоляли Шиву, чтобы он разбавил ртуть, иначе люди смогут воспользоваться ей и сами стать богами. Оттого в разных колодцах ртуть была разного цвета: и если белая и желтая считались худшими образцами, то красная почиталась как самая чистая. Источник красной ртути располагался в Дарададесе, «стране киновари» (на территории современного Пакистана).

По преданию, стоило только какой-нибудь девушке приблизиться к руднику, он переполнялся, а ртуть выплескивалась наружу, чтобы проникнуть в женское лоно. Как только всадница ускорялась до галоп, ртуть отступала и попадала в ловушки – уступы, вырытые на обратном пути в колодеи. Так часть ртути оставалась снаружи, и алхимики очищали ее в специальном приборе – патанаянтре. Вероятно, так эта алхимическая легенда эзоповым языком повествует об очистке ртути.

Варияция этой легенды в XIV в. появляется в Китае, однако в ней вместо обнаженной девушки ртуть приманивают люди, одетые в костюмы из золота, а ртуть не выползает из колодца, а приливом обрушивается на берег из своего озера. Металл пытается догнать людей, но не преуспевает в этом, а при отливе часть ртути остается в заранее вырытых бассейнах.

Если ртуть – это сперма Шивы, то сера – менструальная кровь великой Богини. В мифах описывается, что кровь вытекла из Парвати, когда она купалась в молочном океане. Боги и асуры вспахали океан, чтобы добыть с его дна нектар бессмертия, а вместе с ним на поверхность поднялась и кровь. Всем понравился ее запах, и с тех пор сера стала равна по божественной силе ртути.

Снизу слева нарисована Ардханаришвара – андрогинное божество (см. [здесь](#)), объединяющее Шиву и его жену Парвати в одном теле. Обычно на подобных изображениях женская половина – левая, а мужская – правая, т. е. главная. Тут боги поменялись местами: возможно, это указывает на то, что миниатюра создавалась для последователей великой Богини. Шива изображен светлокосым, вокруг шеи обвивается змея, на грудь спадает гирлянда из черепов, а на лбу красуется третий глаз. Одетый в одну лишь тигровую шкуру, бог держит тришулу, трезубец, символизирующий тройственную природу Шивы: создателя, охранителя и разрушителя мира. У Парвати красная кожа, в руке у нее капала – чаша, вырезанная из человеческого черепа, а все ее тело покрывают разнообразные украшения. Тигр и бык, нарисованные по бокам – ваханы (ездовые животные) двух богов.

Снизу справа – баран, вахана и символ божества Агни. На этой миниатюре животное изображено огнедышащим, что отсылает к огненной природе его хозяина.

Аюрведический человек: лечебная расаяна

Средневековый расцвет лабораторной алхимии, пришедшийся в Индии на X–XIV вв., сменяется периодом популярности медицинской алхимии. Постепенно ртуть почти перестала применяться на практике – в т. ч. из-за отравлений эликсирами. Эликсирные же эксперименты ушли в область аюрведы: так возникла *рашасатра*, прикладная медицинская алхимия.

Влияние аюрведы на индийскую культуру видно даже по объему связанных с ней визуальных образов. Если индийские экспериментаторы классического периода охотно зарисовывали лабораторное оборудование, они почти не изображали алхимические аллегории, как это было свойственно для китайской или европейской традиций. Поэтому все, что до нас дошло – это небольшое количество относительно поздних иллюстраций к трудам по аюрведе (За,б).

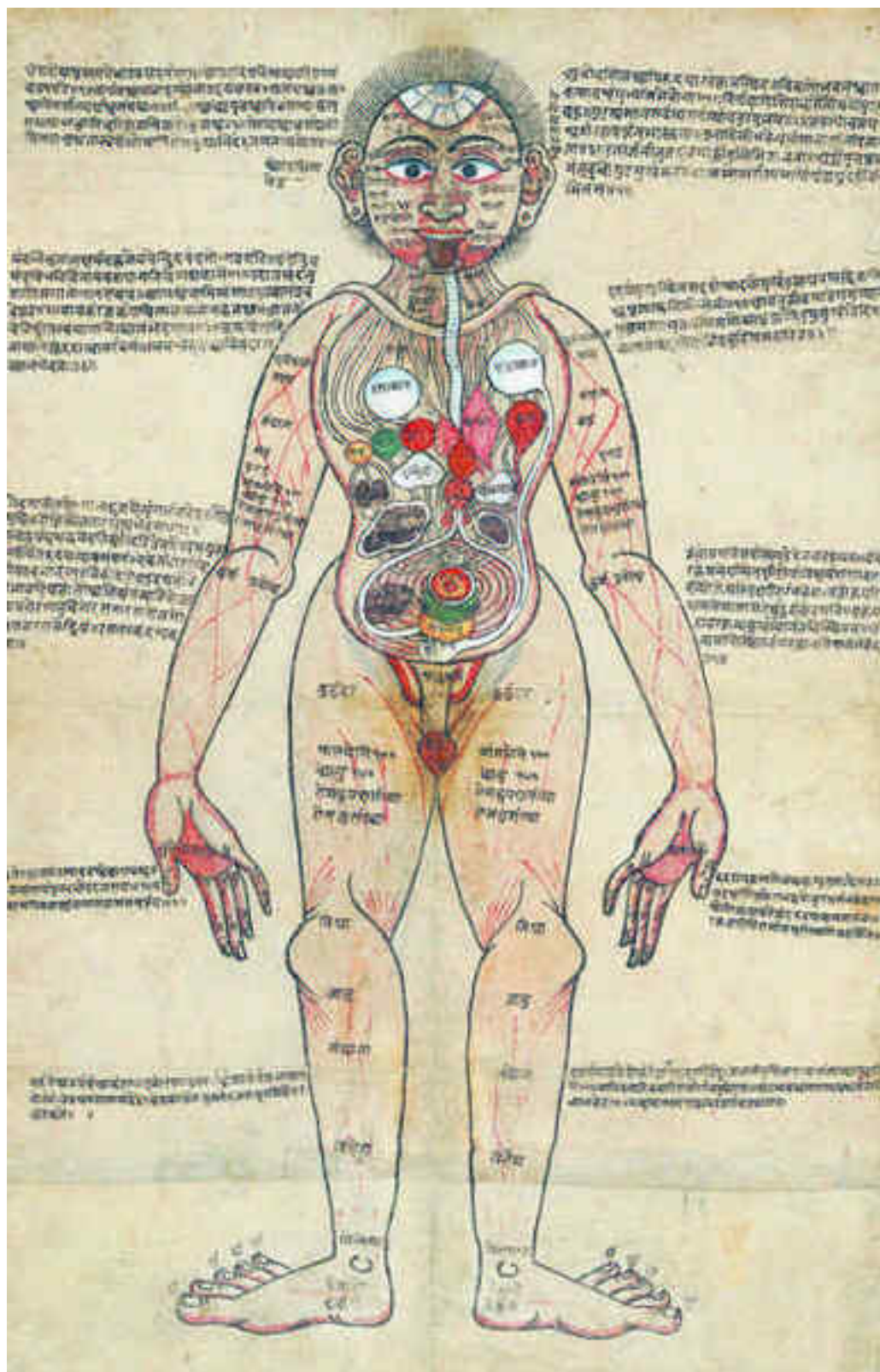
Уретральный отсос: тантрическая расаяна

Последний период развития индийской алхимии связан с йогой и тантрой. Новая алхимическая традиция формировалась *расасиддхами*, «совершенными меркуриальными существами». Они комбинировали алхимию, йогу и тантрические техники для достижения идеального состояния. Расасиддхи считали алхимию одной из *сиддхи* (сверхъестественных сил), поэтому до сих пор в списке 84 сиддхов тантрической традиции можно обнаружить немало добывших эликсир бессмертия. К примеру, Сиддха Карпати мог получать эликсир для трансмутации металлов в золото из урины. В этом нет ничего удивительного: согласно одному позд-

нему трактату по йоге, для получения золота некоторым алхимикам было достаточно просто обмазать металл своими фекалиями. Считалось, что даже знаменитый Нагарджуна, «второй Будда» в буддизме махаяны, владел секретом эликсиров бессмертия, невидимости и левитации (с помощью своих способностей он тайком проникал в царский гарем).

Уже в ранних тантрических трудах VIII в. (как буддийских, так и индуистских) упоминается *расарасаяна* – «получение магического эликсира» с помощью колдовства. Легенды об использовании алхимических реагентов для магических целей сохраняются в тантрических книгах на протяжении Средневековья, и иногда даже проникают в другие страны. В XI в. аль-Бируни, неоднократно бывавший в Индии, объясняет, почему в одном далеком царстве хранится кусок серебра в форме тела человека. Появился он так: однажды алхимик пришел к царю и поведал тому о расаяне. Его искусство могло сделать правителя бессмертным, непобедимым и всесильным. Для этого нужно было только встретиться наедине в лаборатории алхимика и следовать его указаниям. Правитель согласился: вместе с мудрецом он несколько дней подряд варил в котле масло. Потом, однако, оказалось, что в котел с кипящим маслом без тени страха должен броситься сам царь. Тот испугался и уступил свою очередь алхимику: перед прыжком адепт посвятил его в тайны алхимии и рассказал, в каком порядке кидать ингредиенты в котел. Правитель делал как велено, но перед финалом операции задумался: что будет, если он окажется наедине с бессмертным и всесильным человеком, не отберет ли он его царство? Царь не стал бросать последний компонент в котел, содержимое остыло, а алхимик так и остался лежать в нем застывшим куском серебра.

Эта легенда была основана на описании алхимического процесса из «Расарнавы» (XI в.) – одного из важнейших трактатов по алхимии: адепт бросался в котел с маслом, а его помощник осуществлял дальнейшие манипуляции. Трансформированное тело алхимика в конце поднималось из сосуда, он громко ревел слог-мантру «хум», вызывая к себе божественную деву, «трепещущую от желания»: она предлагала адепту танцы, пение и свое тело, а затем забирала на небо, в мир сиддхов, где тот продолжал наслаждаться плотскими удовольствиями с тысячами сладострастных девушек, а также расслаблялся в небесных ваннах, пил божественные напитки и одевался в неопикуемой красоты наряды. Алхимик оставался на небе даже после конца света. «Расарнава», впрочем, указывает, что если у ищущего эликсир ничего не получится, и он просто погибнет в кипящем котле, то он сможет добиться искомого в следующей жизни.

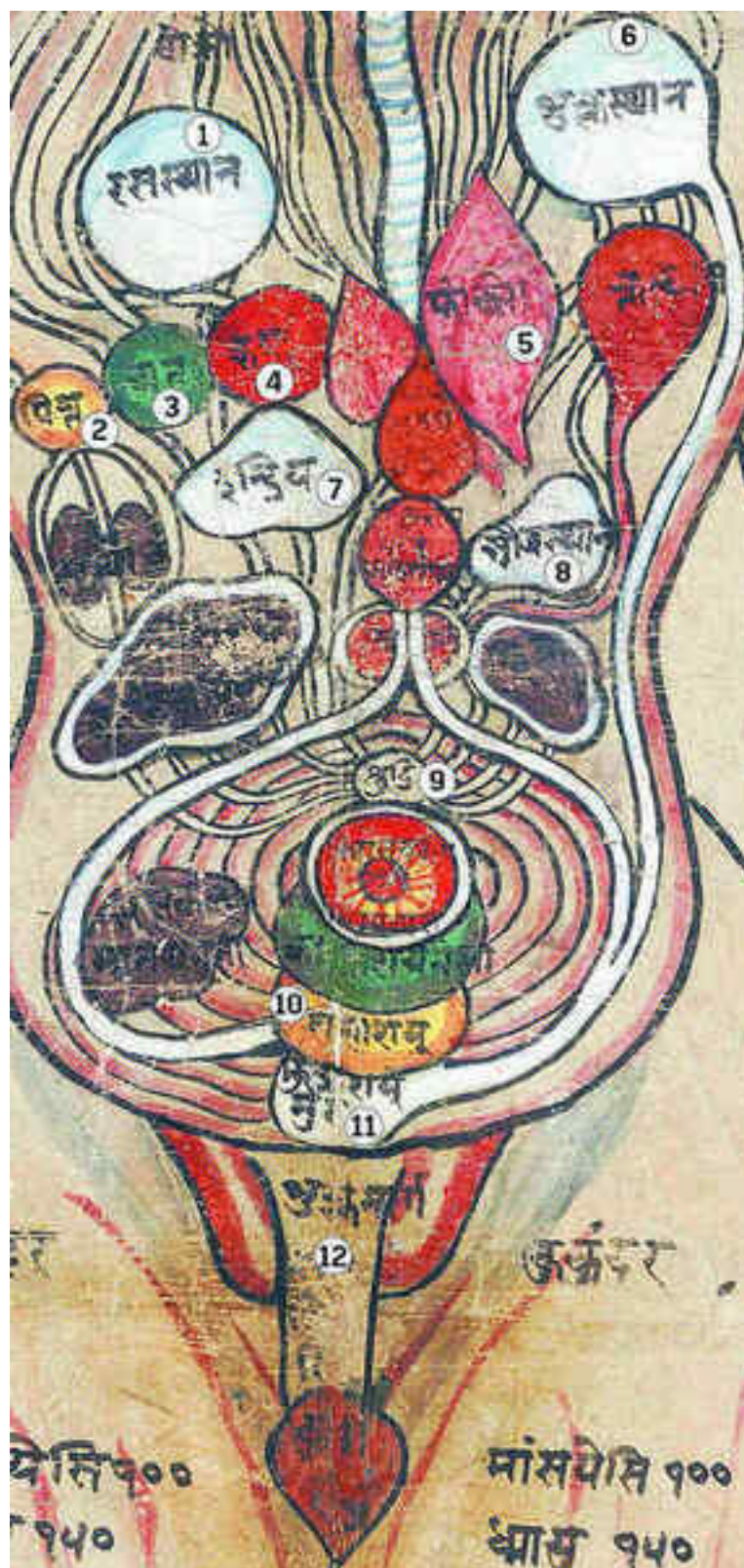

Рис. 3а. Одна из редких иллюстраций, сохранившихся в индийских трактатах по алхимии, сделанная под влиянием многочисленных иллюстрированных медицинских сборников Китая. Индийская медицинская алхимия – аюрведа (дословно – «наука о жизни»), существовала начиная с V в. до н. э. Отрывки текста вокруг этого изображения написаны на непальском и санскрите, и взяты из аюрведического трактата XVI в. «Бхавапракаса» («Освещение состояний бытия»), созданного на севере Индии.

Человеческий организм в аюрведе – что-то вроде прибора для дистилляции расы из поступающей в тело пищи. Раса преобразжается в кровь, жир, кости, мышцы, сперму и т. д. Неудивительно, что и нарисованное выше тело далеко от анатомических реалий. Оно состоит из множества органов, которые, согласно аюрведе, были чем-то вроде сообщающихся сосудов. Эти вместилища хранили определенные жидкости и вещества и не были вовлечены в процессы их обработки. Однако соотношения веществ влияло на самочувствие человека. Медицинская алхимия в Индии основывалась на предположении о том, что в организме есть три доши: ветер, желчь и слизь. Из-за их дисбаланса, считали индийцы, и возникали болезни ([см. здесь](#)).

Мы видим, что на иллюстрации на всех вместилищах написано, что в них хранится: это могут быть лимфа, желчь, семя, урина – т. е. физиологические жидкости, а иногда даже абстракции (ветер, чувства, энергия). Многие органы названы именами, непереводаемыми на русский. Например, в организме есть вместилище огня, а два легких называются абсолютно по-разному и не имеют отношения ни друг к другу, ни к дыханию: управляют они, среди прочего, температурой тела и жаждой.

Рис. 3б. Схема аюрведического человека:

- 1 – лимфа
- 2 – желчь
- 3 – ветер
- 4 – слизь
- 5 – легкое
- 6 – место для белого семени

- 7 – чувства
- 8 – энергия
- 9 – пупок
- 10 –местилище нечистот
- 11 –местилище урины
- 12 – путь семени

Описанная легенда была одной из разновидностей т. н. «йогического самоубийства»: например, алхимик мог отрезать себе голову перед образом великой Богини, чтобы та затем воскресила его, открыла тайну алхимического эликсира и вознесла на небо к богам. Иногда имелось в виду буквальное самоубийство, а иногда лишь его максимально правдоподобная визуализация во время медитации.

Операции тантрических алхимиков очевидно впечатляли современников: так они попали в легенды других народов и дошли даже до русских сказок. В «Коньке-Горбунке» (XIX в.) злой царь хочет жениться на молодой царевне: та просит его, чтобы он сначала омолодился, так как слишком стар для нее, и предлагает ему прыгнуть в котел с кипящим молоком, затем с кипящей водой, а в конце – с холодной. Царь заставляет сделать это Ивана-дурачка, чтобы посмотреть, что с ним будет. Иван успешно выполняет задание с помощью своего волшебного коня и обретает красоту. Царь, увидев это, прыгает в котел и погибает. Похожий сюжет повторяется в мировом фольклоре неоднократно: кипящая жидкость в котле неизменно или омолаживает тело, или, при неправильной последовательности действий, превращает его в золото, совершенный металл; то же происходит и в видениях сибирских шаманов: духи бросают в котел разрубленного на куски человека, чтобы он восстал уже с магическими способностями.

Невероятные легенды об алхимиках рассказывали и на юге Индии, где сиддхов на тамильском языке называли *ситтарами*. Ситтар XV в. по имени Якоппу описывал, что с помощью ртутной таблетки *куликаи* он полетел на Ближний Восток, чтобы отыскать неподалеку от Мекки знаменитый меркуриальный колодец. Ситтар хотел набрать из него ртути, но, когда начал, металл напал на него. Победив ртуть, алхимик приготовил множество пилюль: спрятав одну под язык, другую на бедре, а третью зажав в ладони, он научился левитации и стал перемещаться между странами в поисках адептов своего искусства.

Тантрические алхимики не только сочиняли легенды о своих алхимических способностях, но и действительно имели развитую лабораторную традицию, в которой многое было связано с их религией. Они называли алхимические операции в честь тантрических богов, использовали мантры и мандалы, медитации и ритуалы для практики трансмутации. Учитывая, что ртуть и сера, согласно верованиям алхимиков, имели сексуальное происхождение, вовсе не удивительно, что многие лабораторные практики сиддхов были связаны с сексом. Тантристу-алхимику в лаборатории обязательно требовалась помощница: ее менструальную кровь, добытую в определенную фазу луны, использовали для фиксации ртути. Иногда алхимистка в течение трех недель ела серу с маслом, чтобы ее менструальная кровь становилась подходящей для кальцинации ртути. Были и техники, в которых ртуть, завернутая в ткань помещалась глубоко в вагину женщины для очистки: так само человеческое тело выступало в роли алхимической печи.

Тело алхимика-мужчины тоже могло служить печью для операций по созданию эликсира. Тантристы глотали ртуть, которая затем очищалась во время полового акта с «лаборанткой». Очищенную ртуть сиддхи добывали и помещая ртуть в уретру вместе с «менструальной кровью Богини». Что именно имелось в виду – не очень ясно, т. к. этим словосочетанием обозначали как серу, так и менструальную кровь женщины-алхимика. Аскет использовал себя вместо колбы и печи, помещая в тело серу и ртуть? Или предполагалось, что алхимик с ртутью внутри себя совоплощается с менструирующей женщиной?

Скорее всего, йог-алхимик должен был поместить в себя и ртуть, и менструальную кровь женщины: достоверно известна практика *ваджролимудры*, т. е. уретрального отсоса. Тантрист втягивал уретрой в мочевой пузырь различные жидкости: сначала воду, для очищения, потом молоко, для охлаждения гениталий, затем масло, для смазки уретры, после – мед (для тренировки мышц, т. к. густую жидкость сложнее исторгнуть). В конце алхимик всасывал в себя ртуть, заполняя ей на несколько часов весь мочевой пузырь. После такой «внутренней операции» очищенные организменной печью ингредиенты должны были покинуть тело адепта, чтобы использоваться для создания эликсира – а потом его употребляли внутрь. Аналогичные практики существовали и для женщин-алхимиков.

Алхимия вверх ногами: йогическая расаяна

Даже в классический период внешняя, лабораторная алхимия иногда осмыслялась как внутренняя, т. е. влияющая на «тонкое тело». Уже в «Расарнаве» говорилось, что «ртуть и контроль над дыханием есть две части одной работы». В XIV в. практика йоги впервые прямо называлась одним из основных способов получения алхимиком бессмертия, а к XVI в. расаяной стали именовать даже саму практику хатха-йоги.

Хатха-йога появилась в XI в., и один из ее основателей, Горакшанатх, считался великим алхимиком и махасиддхом. Первоначально йогины этого направления пытались сохранить жизненную силу (семя для мужчин и менструальную кровь для женщин), которая, согласно их системе, постоянно стекает вниз из вместилища в голове. Одни практики предлагали вставать вверх ногами для того, чтобы остановить утечку жизненной субстанции. Другие с помощью контроля над дыханием возвращали утраченную жидкость обратно наверх: она текла по «тонкому телу» через *чакры* (энергетические центры), расположенные в половых органах, пупке, сердце, горле, во лбу («третий глаз») и на макушке.

Позднее хатха-йога включала сексуальную практику, совершающуюся внутри «андрогинного» тела йогина-мужчины: вместо того, чтобы практиковать тантрические сокоупления, он манипулировал внутренней женской энергией, *шакти*, представленной множеством богинь и йогинь. Со временем все они стали заменяться только одной – женской богиней *Кундалини*, спящей внизу живота. Йогин должен пробудить ее с помощью очищения, контроля дыхания и визуализации, а потом поднять наверх по всем чакрам, дабы Кундалини соединилась в головной чакре с Шивой (4).

Иногда Кундалини в этой технике заменяется на свой физиологический аналог – кровь, женскую жидкость, которую адепт должен был поднять из низа живота к голове. Там она смешивалась с семенем в мозге, и орошала «тонкое тело» божественным нектаром. Он даровал йогину бессмертие и сверхъестественные способности (сиддхи), а также материальные ресурсы, власть над людьми и, в конечном итоге, освобождение из круга перерождений.

Алхимические метафоры постепенно переносились на человеческое тело: практики хатха-йоги сравнивали разум человека с ртутью, а вибрации мантр – с серой. Патанаянтра, основной прибор алхимика в Индии, представляющий собой двухкамерный сублиматор ртути из руды, тоже сопоставлялся йогами с организмом человека. В сосуде, состоящем из двух камер – горячей нижней и холодной верхней, конденсируется очищенная ртуть. Так же и в голове «тонкого тела» йогина находилась холодная обитель Шивы, а в нижней части живота – огненное место Богини; с помощью контроля дыхания он создавал тепло и давление, подобно алхимическому прибору получая из соединенных мужской и женской жидкостей нектар бессмертия.

Расаяна сегодня

Так как в индуизме все – и души людей, и металлы, и минералы или травы – являются ипостасями мужского и женского Божеств и участвуют в космическом процессе, запущенном ими, разные отрасли алхимии, различные «расаяны» не воспринимались алхимиками как что-то принципиально отличающееся друг от друга. Трансмутация металлов, лечение эликсирами, хатха-йога и тантрические практики – все эти техники преследовали одну, высшую цель – бессмертие души и единение с богами. Именно поэтому индийцы до сих пор практикуют дыхательную йогу и тантру; поэтому принципы расашастры по сей день играют большую роль в аюрведе: ее преподают в университетах, а лекарства на основе металлов продают в магазинах (случаи отравления ими часто обсуждаются в новостях).

Ровно по той же причине в современном западном мире так популярны и «выхоленные» от индийской религии практики, связанные с алхимией – осовремененные хатха-йога, тантра, аюрведа – имеют уже совсем иное значение. Люди, начитавшиеся безграмотной литературы, паразитирующей на древних трактатах, пробуют «поднимать Кундалини», пить ртуть или выполнять ваджролимудру, но осмыслены ли такие практики, если они выполняются только как зарядка для развития тела? С точки зрения древних индийских алхимиков – нет, ведь это не ведет к бессмертию души. Лишенная религиозной составляющей, высшей цели, индийская алхимия на Западе распадается на множество бесполезных (с точки зрения древних адептов) для современных людей техник. То, что было самым важным для верующего индуса, становится бесцельной забавой для атеиста-европейца.

Некоторые исследователи и современные алхимики, стремясь найти памятники аутентичной, практической расаяны, изучают не только литературу, но и вещественные свидетельства, указывающие на активную деятельность древних алхимиков. В Дели, рядом с известным памятником Кутб-минаром, стоит колонна из чистейшего железа, очистка которого была невозможна без использования златодельческих секретов. На юге Индии, в храме Шивы Маликарджуны – рядом с раем индийских алхимиков, горой Шришайлам, – сохранились барельефы XV в. с изображениями расасиддхов и их приборов. Впрочем, расаяна закончилась в Индии совсем недавно. Европейское Просвещение долго обходило стороной край чудес, и ртуть здесь якобы превращали в золото вплоть до начала 1940-х. Надписи о таких экспериментах сохранились в храмах Дели и Варанаси. Златодельческие эксперименты проводились в присутствии важных персон (например, ведущих инженеров, секретаря Махатмы Ганди и премьер-министра Индии). Так алхимический бог Шива дожил до XX в. – а может быть, еще и поныне жив.

Рис. 4. Трактаты по хатха-йоге описывают «йогическое тело» (то же, что и «тонкое») как всеобъемлющий макрокосм. В самых ранних рукописях, упоминающих чакры (VIII в), энергетические центры сопоставляются с четырьмя граничащими с Индией регионами. В классическом трактате о хатха-йоге XII в «Сиддха-сиддханта-паддхати», возможно, написанном алхимиком, части тела и внутренние органы отождествляются с человеческими качествами или эмоциями; городскими зданиями – кузницей или магазином спиртного; действиями – матчем в древнюю игру с мячом, рыбалкой или охотой; четырьмя возрастными, семью днями недели, двенадцатью знаками зодиака; 92 000 ручьями, 9 реками, 8 горами, семью морями (мочи, слюны, мокроты, лимфы, жира, крови и семени) и семью континентами; небесными телами (девять планет соответствуют девяти телесным отверстиям); и даже с целыми мирами. Трактат описывает, что в «тонком теле» человека живет 8 400 000 живых существ и 33 000 богов. В подмышках обитают мудрецы-муни, в животе – небесные музыканты, в волосах растут растения, а в фекалиях живут черви и другие насекомые.

Тело йогина на рисунке, созданным индийским художником по просьбе британского офицера, тоже изображено со множеством богов, существ и миров внутри. В чакрах находятся

главные боги: Ганеша восседает в четырехлепестковом лотосе нижней чакры, Брахма нарисован на животе, Вишну – в чакре солнечного сплетения, Рудра – в сердечной, а наверху располагается медитирующий Шива. Пробужденная змея-Кундалини, извиваясь, проходит сквозь все чакры по «тонкому телу» от пяток до макушки. Обычно она изображалась спящей, свернувшейся кольцами в нижней чакре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.